

Литературная заметка.

Полбраний равоназъ А. Н. Чехова.

Какими-то благосклонным вѣтромъ какъ бы донесло до насъ нѣсколько выходящихъ, но еще сохраняющихъ свой отблескъ благоуханія жемчужинокъ съ могилы Чехова. Въ январской книжкѣ родной ему „Русской Мисли“ напечатаны двѣ странички набросковъ изъ оставшихся послѣ писателя рукописей и одинъ изъ трехъ рисунковъ-миниатюръ, давно имъ написанныхъ и не вышедшихъ въ свѣтъ.

Маловажные наброски, и только отдаленно, смутно, гадательно можно угадывать едва намѣтающуюся темку второго изъ нихъ („Калѣба“),—темку романтическаго расказа о клубокѣ, таинственнѣе и, кажется, какъ всегда у Чехова, немнѣжно грустной любви. „Онъ“, повидимому, еще тантъ свое чувство, но уже кругомъ поджигаетъ страсть, и родные наивно забываютъ необходимости покуситься „его“ съ „нею“, чтобы не воспрепятствовать возможности ихъ брачнаго союза...

Зато впечатлѣніе совершенно законченной,—въ чеховской, впрочемъ, всегда нѣсколько отрывотливой манерѣ,—вещица даѣтъ извѣщенный изъ рукописей небольшой расказъ „Волкъ“.

На мельницѣ у стараго дѣда Максима дѣлаютъ привалъ утомленные охотники, поймавшіе Нилова и сѣдывающаго Курпанаго. Разговоръ inter posita ведется о бѣшенномъ волкѣ, о появленіи котораго сообщаетъ старшій мельникъ, о бѣшенствѣ, о возможности всегда наткнуться на этого, бѣгающаго около деревни живого уласа.

— Вамъ хорошо говорить,—закрѣпляетъ сѣдывающій на рѣмнику здоровякъ и крикнувъ Нилова, славянинаго на него губернью своей необикновенной физической силой,—будто, въ случаѣ надобности, волка можно уложить если не прикладомъ ружья, то дѣтъ накладки.—опаица у васъ, слава богу Господи, на десятерыхъ хватить. Не то что тѣсто, вы и пальчикъ собаку уложите. Простой же смертный, пока соберется поднять налку, да пока замѣтитъ жсто, по которому ударить, да пока что, собака успеетъ его развить укуси. Неприятная исторія... Нѣтъ бо-бѣнии мучительнѣе и улаженѣе, какъ водо-

бояны. Когда мнѣ впервые довелось увидѣть бѣшеннаго человѣка, я дѣлъ пять потовъ ходилъ, какъ шальной, и возненавидѣлъ тогда всѣхъ въ мѣрѣ собачниковъ и собакъ. Во первыхъ, ужасна эта скоростности, экстремичность бѣшеннаго... Идетъ человѣкъ здоровый, покойный, ни о чемъ не думаетъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего—цѣль его бѣшеная собака! Человѣкомъ моментально овладеваетъ ужасная мысль, что оная погубѣ безвозвратно, что нѣтъ спасенія... Засимъ, можете себѣ вообразить томительное, гнетущее ожиданіе бѣшенна, не оставляющее укрупнѣнаго ни на одну минуту. За ожиданіемъ слѣдуетъ сама болѣзнь... Ужаснѣе же всего, что эта болѣзнь неизлѣчима. Ужъ коли ало-бѣтъ, то плини пропадо. Въ медицинѣ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ даже намекъ на возможность излѣченія.

— А у насъ на деревнѣ лѣзачъ, баринъ!—сказалъ Максимъ.—Миронъ кого угодно выдѣлаетъ.

— Чепуха...—вдохнулъ Нилонъ.—Насчетъ Мирона все это одна только разговоры. Прошлымъ лѣтомъ на деревнѣ Степукъ искусаа собаку, и никакіе Мироны не помогли... Какъ ни поили его всякою дрянью, да все-таки забѣснѣся. Нѣтъ, дѣдуся, ни чорта не подлазеш. Случись со мною такая оказія, укуси меня бѣшеная собака, я бы себѣ пулю пустилъ въ лобъ.

Разговоръ настраиваетъ собеседниковъ не на веселый ладъ, и послѣ чаю Нилонъ выходитъ изъ избы на мельницу. „Подходя нѣмного около заборовъ, онъ отворилъ маленькую дверцу и вышелъ. На дворѣ давно уже кончилисъ сумерки, и наступилъ настоящій вечеръ. Отъ рѣки вѣло тихимъ, непробуднымъ сномъ. На плотинѣ, залитой душнымъ свѣтомъ, не было ни кусочка тѣни: на серединѣ ея блесгло звѣздой горлашко отъ разбитой бутылки. Два колеса хельники, наполовину спрятавшіеся въ тѣни широкой нѣвы, глядѣли сердито, уныло.“

„Нилонъ вдохнулъ всей грудью и взглянулъ на рѣку. Ничто не дигалось. Вода и берега спали, даже рыба не плескалась. Но вдругъ, Нилону показалось, что на томъ берегу, повисше кустовъ ивняка, что-то, похожее на тѣнь, прокатилось черными шаромъ. Онъ прищурилъ глаза. Тѣнь исчезла, но скоро опять показалась и зигзагами покотилась къ плотинѣ.“

— Волкъ!—вспомнилъ Нилонъ.

Но, прежде чѣмъ въ головѣ его мелькнула мысль о томъ, что нужно бѣжать назадъ, въ мельницу, темный шаръ уже катился по плотинѣ, не приюто на Нилова, а зигзагами.

„Ксан я побѣгу, то оны нападѣтъ на меня сзади,—сообразилъ Нилонъ, чувствуя, какъ на головѣ у него подъ волосами леденѣтъ кожа.—Боже мой, даже палки нѣтъ! Ну, бузю стойте и... и задушу его!“

И Нилонъ сталъ внимательно слѣдить за движеніями волка и за выраженіемъ его фигуры. Волкъ бѣжалъ по краю плотины, уже поравнялся съ нимъ.

„Онъ мнѣ бѣжитъ!“—подумалъ Нилонъ, не спуская съ него глазъ.

„Но въ это времявольте, не глядя на него и будо нехоти, издалъ жалобный, скрипучій звукъ, повернувшись къ нему морду и остановился. Онъ точно сообразилъ: напасть или пренебрежъ?“

„Ударить по головѣ кулакомъ...—думалъ Нилонъ.—Ошеломитъ!“

„Нилонъ такъ растерялся, что не понималъ, что первый началъ борьбу: онъ, или волкъ? Онъ только понималъ, что настала какой-то особенно страннй, критическій моментъ, когда повидалось сосредоточить всю силу въ правую руку и схватить волка за шею около затылка. Тутъ произошло жѣчто необыкновенное, чему трудно повѣрить и что самому Нилону казалось своимъ. Схватившій волка жалобно зарычалъ и рванулся съ такой силой, что складка кожи, холодная и мокрая, скатанъ рукою Нилова, заскользнула между пальцами. Волкъ, стараясь высвободить свой затылокъ, поднялся на заднія лапы. Тогда Нилонъ лѣвой рукой схватилъ его за правую лапу, сжалъ ее у самой подмышки, потомъ быстро отнял свою правую руку отъ затылка волка и, схвативъ ею лѣвую подмышку, поднялъ волка на воздухъ. Все это было дѣломъ одного мгновенія. Чтобы волкъ не укусиъ его за руки и чтобы не дать его головѣ воротачься, Нилонъ больше пальцы обхватилъ рукою въ его шею около ключицы, словно шпору. Волкъ уперся лапами въ его локти и, подумавъ, такъимъ образомъ, тотку опоры, затрясся со страшной силой. Укусить руки Нилова до локтя онъ не могъ, протянулъ же морду къ лицу и цапаетъ, ему мѣшали пальцы, давнише его шею и причинявшіе ему сильную боль.“

— Смерно!—думалъ Нилонъ, оттягивая возможно дальше назадъ свою голову.—Сла-

во его пошла мнѣ на губу. Стало быть, все равно уже пропасть, даже если и избавлюсь отъ него какими-нибудь чудомъ. Ко мнѣ!—закричалъ онъ.—Максимъ! Ко мнѣ!

„Оба, Нилонъ и волкъ, головы которыхъ были на одномъ урвнѣ, глядѣли въ глаза другъ другу. Волкъ щелкалъ зубами, издалъ скрипучіе звуки и прыгалъ. Заднія лапы его, шда опоры, ерзали по кобылѣмъ Нилова. Въ глазахъ сѣялась луна, но не видно было ничего, похожего на лобъ: они плакали и походили на человѣчеческіе.“

— Ко мнѣ!—закричалъ еще разъ Нилонъ.—Максимъ!“

„Но на мельницѣ его не слышали. Онъ пассивно чувствовалъ, что отъ громаго крика можетъ уоавиться его сила, а потому кричалъ не громко... Онъ началъ пилиться, но не прошелъ двухъ аршинъ, какъ почувствовалъ, что его правая рука слабѣетъ и отекаетъ. Затѣмъ вскорѣ наступилъ моментъ, когда онъ услышалъ свой собственный, душу раздражающій крикъ и почувствовалъ острую боль въ правомъ плечѣ и влажную теплоту, разлившуюся вдругъ по всей рукѣ и по груди. Затѣмъ онъ слышалъ голосъ Максима, понявъ выраженіе ужаса на лицѣ приближавшаго сѣдывающаго. Выпущилъ онъ изъ руки своего врага, когда у него насильно ужъ разжали пальцы и доказали ему, что волекъ убитъ. Отулаженный сильными ощущеніями, чувствуя утѣю кровъ на бедрахъ и въ правомъ салопѣ, близнй къ обмороку, вернулся онъ на мельницъ!“

То, о чемъ съ ужасомъ говорили пріятели, стало дѣйствительностью для Нилова. Такъ часто кошмарные сны осуществляютъ въ жизни. Съ этого мгновенія Нилонъ—приговоренный и обреченный, и вѣнше художественная описательная сторона уступаетъ мѣсто психологической работѣ автора. Теперь передъ читателемъ—унылая, тоскующая душа, вся потрясенная чувствомъ ожидания страшнаго негуда. Никакія утѣшенія сѣдывающаго, „послѣ тѣхъ густыхъ красокъ, на которыя онъ былъ такъ шедръ, когда раньше описывалъ вообознанъ“,—уже не производятъ на него никакого впечатлѣнія. Старшій Максимъ своими редотвами пытался лѣчить больного, шечетъ надъ нимъ, даѣтъ ему лѣзущую какой-то противной жадности. Нилонъ шшетъ докторовъ, готовъ „объявить конкурсъ, что если кто выдѣлтъ, то

получитъ 50 тысячъ“, готовъ любому врачу предложить то же, дашь бы онъ „за нянѣя“ имъ со всѣмъ усердіемъ...

Но вотъ, случайный докторъ рѣшается повліять на большого гипнозомъ успокоительныхъ словъ, самъ плохо имъ вѣря.

— Послушайте—начинаетъ онъ,—я отчасти не понимаю этого вашего возбужденнаго состоянія. Что вы платаете? И затѣмъ такъ превратноплатяте опасности? Помните, вѣдь у васъ гораздо больше шансовъ не заболѣть, чѣмъ заболѣть. Во-первыхъ, вы ста укушенныхъ заболѣваете только тридцать. Потому—что очень важно—волкъ кусалъ васъ черезъ одежду, значитъ, даѣтъ остался на одеждѣ. Белл же въ руку попалъ, зато онъ должѣтъ быть вытѣчь съ кровью, такъ какъ у васъ было сильное кровотеченіе. Относительно вообознанія я совершенно покоенъ, а если меня и беспокоитъ что-нибудь, такъ это только развѣ. При такой небрежности легко можетъ приключиться рожа или что-нибудь вродѣ.

— Вы думаете?—не смѣя вѣрять спросилъ Нилонъ, —утишаете вы или серьезно?

— Честное слово, серьезно. Возьмите-ка, почитайте!

Овчинниковъ взялъ съ полки книгу и, пропуская страшныя мѣста, сталъ читать Нилону главу о вообознаніи.

— Стало бы, вы напрасно беспокоитесь,—сказалъ онъ, кончивъ чтеніе.—Ко всему этому прибавьте еще, что намъ съ вами не извѣстно, былъ-ли то бѣшеный волкъ, или здоровый!

— М-да...—согласился Нилонъ, улыбаясь.—Теперь понятно, конечно. Стало быть, все это чепуха!

— Разумѣете, чепуха.

— Ну, слава богу, родное...—засмѣлся Нилонъ, весело потрявъ руки.—Теперь, уминая въ этикія, я покоенъ... Я доволенъ и даже счастливъ, ей-Богу... Нѣтъ, честное слово... даже...

Обнявъ Овчинникова и поцѣловавъ его, пациентъ вдругъ чувствуетъ какой-то мальчишескій зудоръ. Тащитъ на своемъ плечѣ доктора изъ кабинета въ столовую, обнявъ его лѣвою рукою ниже талии.

— Выходитъ отъ врача веселый разговорный. И казалось даже, что съ нимъ радостнась и слезинки, бѣсѣвшія на его широкой, черной бородѣ. Спускался внизъ по ступенямъ,

онъ засмѣлся басомъ и потрясъ пернѣ крыла съ такой силой, что одна балаясь выскользнула, все крыло затрещало подъ ногами Овчинникова.

— Была игра!—кончалъ онъ, весело смѣясь.—Будетъ о чемъ вспомнить въ старости. Погонай, Тришка!“

Психологическій мотивъ побѣды жизни, бьющей черезъ край, заключающей, не мирящейся во что бы то ни стало съ смертью, надъ темными ужасами мрачаго самогипноза—разработалъ Чеховъ съ тою скатомъ мѣткостью, какая его всегда отличала. Нѣсколько страничекъ, повидимому, отрывочными штрихами, почти намеками вызывають, однако, въ умѣ въ большой яркости переживаемую теромъ „Волка“ жестокою трагическою коллизію. И съ этой психологической стороны въ расказѣ есть та чѣвкость и закрученность, та психологическая законченность, которая всегда присуща чеховской миниатюрѣ, даже тогда, когда ей совсѣмъ недостаетъ вѣншеей, сжатой закрученности и чѣвкости и когда, съ точки зрѣнія стараго, традиціоннаго пониманія сюжета, она является не больше какъ отрывкомъ, случайной сценкой или наброскомъ. Въ послѣдствѣ изданій оцѣнокъ Чехова, санкціонированныхъ оцѣнками покойнымъ писателемъ, можно найти цѣлыя десятки расказовъ такого отроенія. Но теорія Чехова, самымъ существеннымъ въ расказѣ была своеобразие и оригинальность психологическаго задания и, отсѣдно, онъ не ставилъ въ мнѣтъ расказу, еслъ его психологически-закрученнаго темъ выливалось въ формѣ простой картинки-сценки, хотя бы и лишеной всякой вѣншеей, фавбульной правильности, движенія и развитія. Былъ бы плодъ на деревѣ, а какъ распустился его вѣтъ и дасть ли онъ стройное дерево-картину,—это, видимо, никогда непересоздалъ его совѣтъ мало. Потому, при такъ теоретическомъ взглядѣ, Чеховъ оставилъ въ рукописи эти, вѣншій законченности и отбѣншанія многими его достоинствами странички,—теперь уже нѣтъ за него не скажете.